

УДК 327(470:470.47-89)"16"(045)+269(=512.37)"16"(045)

В.Т. Тенкеев

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ (XVII ВЕК)

В статье рассматриваются первые случаи обращения калмыков в христианство в XVII в. Особое внимание уделяется политике царского правительства в отношении калмыков: союзнические отношения с ними в условиях военных действий против Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства. Процесс христианизации калмыков в XVII в. не носил массового характера. Первые новообращенные калмыки через крещение входили непосредственно в состав русского общества, постепенно сливаясь с местным православным населением. Только с конца столетия на южных рубежах государства появляются отдельные группы крещеных калмыков, несших охрану границ. Вместе с тем религиозный фактор был одним из серьезных вопросов в русско-калмыцких переговорах, поскольку царское правительство не препятствовало в крещении и оседании калмыков в разных частях государства. Калмыцкие правители весьма осуждающе реагировали на эти явления, но вынуждены были признать сам факт христианизации калмыков и считаться с ним. Религиозный вопрос, хотя и не был главным на переговорах, но постоянно возникал и отчасти придавал русско-калмыцким отношениям напряженный характер. Однако массовая христианизация калмыков по ряду причин была невозможна. Во-первых, с нач. XVII в. традиционной религией калмыков был буддизм тибетского толка; во-вторых, правительство нуждалось в военной помощи калмыков в охране южных и юго-западных рубежей государства; в-третьих, прямое давление в таком важном вопросе могло быть воспринято как грубое вмешательство во внутренние дела и посягательство на власть калмыцких правителей, что привело бы к непредсказуемым для российских интересов последствиям. Поэтому на начальном этапе принятие калмыками православия не носило массового характера.

Ключевые слова: Московское царство в XVII в., русско-калмыцкие отношения, религиозный вопрос, христианизация.

С начала XVII в. начинается активная фаза перемещения части калмыцких (ойратских) улусов с Алтая в западном направлении, и уже к середине столетия калмыки, заняв огромные территории, простиравшиеся от Тибета до Северного Прикаспия, начинают играть заметную роль в международных отношениях не только в Центральной Азии, но и в Восточной Европе. Периоды резкого похолодания в начале века были отмечены не только в европейской части континента, но и в центрально-азиатском регионе, чем был обусловлен поиск кочевниками новых пастбищ с менее суровыми климатическими условиями. Массовые передвижения номадов приводили к неминуемым вооруженным столкновениям с их соседями. Противостояние калмыков с монгольскими и казахскими феодалами лишало первых, покинувших свою прежнюю родину, свободных выходов к китайским и среднеазиатским рынкам. В дальнейшем калмыки вступили в непосредственные посольские сношения с представителями царских властей в Западной Сибири, что положило начало длительному процессу вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. В течение 30-х и 40-х гг. XVII в. калмыки начинают активно осваивать степные пространства Нижнего Поволжья, входя в контакты с донскими и яицкими казаками, народами Северного Кавказа и Причерноморья, русским населением юга России. Возникавшие время от времени вооруженные стычки калмыков с царскими отрядами, пленение, естественно, и стало для некоторых калмыков причиной первого опыта знакомства их с христианским учением [5. С. 51].

Истории христианизации калмыков посвящено немало работ, в той или иной мере затрагивавших религиозный вопрос в русско-калмыцких отношениях [5; 7; 10; 11]. К сожалению, большинство исследователей мало внимания уделили начальному периоду, что объяснимо недостаточной разработкой источниковой базы. Цель настоящей статьи – представить более полную историческую картину религиозной стороны в русско-калмыцких отношениях в XVII в., основываясь на широкой источниковой базе.

С середины XVII в. уже была сформирована правовая модель взаимоотношений царского правительства с калмыцкой правящей элитой, получившая юридическое закрепление в шертях или договорных статьях, заключенных калмыцкими правителями лично или через их доверенных лиц в 1655, 1657, 1661, 1673, 1677, 1681, 1683 и 1697 гг. Понятно, что вопрос о равноправных союзнических отношениях калмыков с Московским государством не стоял, но калмыцким правителям удалось закрепить за собой максимально выгодные для себя условия.

В это время царское правительство направляло основные усилия на то, чтобы калмыки по мере сил и возможности обороняли южные границы от набегов враждебно настроенных кочевников и оказывали военную помощь, особенно в борьбе против Турции, Крымского ханства и их вассалов. Было также стремление установить действенный контроль над связями Калмыцкого ханства с другими государствами, не допустить сближения калмыков с ними или же предотвратить возможные негодные действия правящей верхушки ханства, могущие нанести вред интересам России, а в дальнейшем вообще исключить самовольные внешнеполитические контакты хана и тайшей (старших князей).

В своей политике царское правительство старалось урегулировать отношения калмыков с непосредственными соседями-подданными России, обезопасить волжский торговый путь, наладить торговые отношения и т. п. Калмыцкие владельцы старались получить максимально возможную автономию и не всегда подчинялись правительственным указам. Такое поведение диктовалось рядом обстоятельств. Положительное решение территориального вопроса, централизация власти в руках одного владельца, сокращение междоусобиц, прикочевки значительных новых групп калмыков из Джунгарии и Западной Сибири способствовали усилению Калмыцкого ханства, что в свою очередь активизировало самостоятельные действия тайшей на международной арене.

Калмыки довольно регулярно участвовали в борьбе России против внешних врагов, особенно Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства. С восточными государствами, в первую очередь с Тибетом как религиозным центром и Джунгарским ханством, они продолжали поддерживать отношения в силу традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, для сохранения связей и т. п.

Установление более эффективного контроля над действиями калмыцких ханов и тайшей, урегулирование спорных вопросов между калмыками и их соседями, активное подчинение тайшей власти царского правительства сдерживались непростым внешнеполитическим положением Российского государства, тревожной обстановкой в южных его районах в тот период и т. д. Внимание и силы правительства были отвлечены на решение важнейших внешнеполитических задач. Войны и связанные с ними огромные расходы привели к обострению внутренней обстановки в стране. В подобной ситуации Москве не всегда удавалось контролировать на должном уровне национальные окраины, в том числе и Калмыцкое ханство, с которым приходилось быть особенно осторожным из-за его пограничного положения и возможности откочевки калмыков за пределы Московского государства. В сложившейся ситуации правительство старалось урегулировать русско-калмыцкие отношения, не прибегая к насильственным мерам, а путем взятия с тайшей шертей, выдачи им жалованья и подарков.

Во второй половине XVII в. в русско-калмыцких отношениях проявился религиозный вопрос, связанный с начавшейся христианизацией калмыков. По мнению К.В. Орловой, юридически христианизация калмыков была оформлена в 70-х гг. XVII в., хотя сам процесс начался задолго до шерти 1673 г. [10. С. 41]. Действительно, еще в 1649 г. одним из острых вопросов в русско-калмыцких отношениях был обмен пленными, так как царское правительство под разными предлогами отказывалось выдавать тайшам новокрещенных калмыков, – тех, кто принял крещение, уже находясь в плену [1. Ф. 119. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 17].

Власти считали, что распространение среди калмыков православия должно было способствовать их «умиротворению» и переводу в инородческое военное сословие. Однако, по мнению С. В. Джунджузова, приступить к принудительной христианизации калмыков, как это имело место в отношении народов Сибири и Урала, исповедовавших язычество, по ряду причин было невозможно. Во-первых, с нач. XVII в. традиционной религией калмыков становится тибетский буддизм; во-вторых, правительство нуждалось в военной помощи калмыков в охране южных и юго-западных рубежей государства; в-третьих, прямое давление в таком важном для любого правителя могло быть воспринято как грубое вмешательство и посягательство на власть калмыцких правителей с непредсказуемыми для российских интересов последствиями. Поэтому на начальном этапе принятие калмыками православия могло носить единичный и, скорее всего, пусть не всегда осознанный, но добровольный характер [6. С. 70, 71].

Для примера приведем несколько эпизодов из периода русско-польской войны 1654–1667 гг., когда в кругах царского правительства остро встал вопрос о привлечении военных сил калмыков для борьбы с Крымским ханством, которое выступило против Москвы в союзе с Речью Посполитой. Именно тогда в ходе русско-калмыцких переговоров был косвенно затронут религиозный вопрос.

В 1658 г. в столицу прибыло калмыцкое посольство во главе с Кушучи-дарханом, который, обсудив на переговорах основные темы русско-калмыцких отношений, обратился к царю с личной просьбой вернуть ему мать с младшим братом. В результате расследования в Посольском приказе выяснилось, что мать посла действительно с сыном Меркушей жила в Москве и зарабатывала на жизнь портным делом. В Вознесенском монастыре она приняла крещение под именем Екатерина [12. С. 19].

История появления первых крещеных калмыков в Москве связана с событиями 1644 г., когда воевода Л.А. Плещеев в верховьях реки Яик со своим отрядом разгромил один из калмыцких улусов и захватил в плен 480 человек. В основном это были женщины и дети, среди которых оказалась и мать калмыцкого посла. Половина калмыцкого полона, захваченного отрядом Л. А. Плещеева, затем была отправлена в Москву [12. С. 19].

Другая история, связанная с судьбой калмыцких пленников, произошла во время приезда калмыцкого посольства в Москву уже в 1661 г. Один из калмыцких посланников во время прогулки в сопровождении русского толмача по Красной площади случайно встретил калмыцкую женщину, в прошлом захваченную в плен. Звали ее Аргасына. По случайному стечению обстоятельств она оказалась родной племянницей главного калмыцкого посла Зайсан-дархана. В русский плен она попала еще в детском возрасте, в 1644 г. Калмычка в качестве трофея оказалась у шотландского полковника на русской службе Александра Крафтерта, который привез ее в Москву, окрестив в «немецкую веру» (протестантство) под именем Сусанна. После гибели полковника на русско-польской войне женщина получила свободный статус и пожелала вернуться в калмыцкие улусы, где еще были живы ее родители [12. С. 20]. К сожалению, официальная реакция царской администрации на дальнейшую судьбу этих крещеных калмыков в архивных документах не прослеживается.

Как видим, процесс обмена пленными долгое время оставался одним из неурегулированных вопросов в русско-калмыцких отношениях. Царское правительство, заинтересованное в привлечении воинских сил калмыков в войне с Польшей и Крымским ханством, старалось как можно скорее урегулировать противоречия, возникавшие в ходе многочисленных русско-калмыцких переговоров. Возвращение калмыков, попавших в плен к русским в разные годы и находившихся в государевых городах, было одним из главных обязательств правительства. Например, в 1665 г. в своем письме к боярину Григорию Сунчалеевичу Черкасскому, отвечавшему в царском правительстве за калмыцкое направление, тайша Мончак ему прямо указывал: «которые есть на Москве и в городах мои люди, и тех сыщи и ко мне пришли; а я государевых людей взятых отпускаю, то тебе я правду делаю и всего добра тебе много делаю, тебе то ведомо, и впредь добро думаю» [1. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 72–74].

Царь Алексей Михайлович при встрече с калмыцкими послами всегда шел им навстречу и указывал срочно разыскивать и возвращать калмыцких пленников. Но сложность ситуации заключалась в том, что большинство пленников калмыков, например, проживавших в той же Москве, уже было обращено в христианскую веру. Царский указ о возврате калмыцких пленников не относился к крещеным калмыкам. Калмыцкие послы знали о существовании подобного указа и поэтому добивались от царских властей позволения лично встретиться с каждым из крещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры.

Мотивы принятия калмыками крещения в Москве были разными и необязательно носили какой-то насильственный характер. Исследуя это явление, архимандрит Гурий отмечал, что «православие в частном порядке стали прежде всего принимать те пленники калмыки, которые попадали в русские благочестивые семьи. Такое обращение было прочно, ибо новокрещенный тотчас же приступал, по условиям русской древней жизни, к усвоению всех тех благочестивых навыков, которыми жила воспринявшая его русская благочестивая семья» [5. С. 52].

Вполне показательна, например, история молодого крещеного калмыка Кукнака (в крещении Михаила). В 1665 г. приехавшие в Москву калмыцкие послы во главе с Каичю имели возможность лично его расспросить о мотивах подобного шага. Выяснилось, что во время одного из крымских походов калмыков Кукнак был сбит в бою с лошади и отстал от своих. Позже его подобрал запорожец и привезли в Москву. В 1664 г. он пытался уехать домой вместе с калмыцким послом Кантак-Кошучи, но тот, пообещав замолвить за него слово в Посольском приказе, обещания своего не выполнил и уехал без него. С досады Кукнак после этого принял крещение и показал послам свой натертый крест, отказавшись возвращаться домой. Это вызвало бурю негодования со стороны калмыков, и они прогнали от себя Кукнака. Выражая свое недовольство, главный посол заявил царским

представителям, что их правитель Мончак со своей стороны также будет обращать в «калмыцкую веру» русских людей, освобожденных из крымского плена, и оставлять их в своих улусах. Посол вполне резонно ставил вопрос о дальнейшей судьбе калмыков, воюющих за русского царя. По его мнению, если бы царские власти крестили 10 тыс. калмыков, то Мончак государю «и бить челом не стал» [1. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 119, 135, 171–175].

Несмотря на недовольство калмыцкой стороны подобными фактами, процесс христианизации калмыков уже был начат, и продолжался он в течение всего XVII в. и в последующее время. Именно это обстоятельство мешало полноценному развитию русско-калмыцких отношений, особенно в условиях продолжающейся русско-польской войны, когда Московское государство нуждалось в консолидации общих военных усилий с калмыцкими тайшами против Крымского ханства.

К сер. 1660-х гг. в Москве впервые появляются и крещенные калмыки из числа знати. Их появление было связано с внутривластной борьбой в правящем доме волжских калмыков между тремя основными претендентами: старшим тайшей Дайчином, его сыном Мончаком и внуком Манжи-Ялбо (сыном покойного тайши Даян-Эрке). В 1662 г. Мончак захватил в плен Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе [3. С. 23]. С целью изолировать и полностью исключить его как основного соперника в борьбе за власть Мончак решил избавиться от главного своего конкурента, выдав племянника под арест в Астрахань. Позже молодого тайшу перевезли из Астрахани в Москву, где в 1665 г. его повстречал и оставил о нем сведения в своих путевых записках представитель голландского посольства Николас Витсен. Под видом купца Н. Витсен проник в охраняемый стрельцами двор, где содержался Манжи-Ялбо, и впоследствии описал довольно интересную с ним встречу: «Здесь его [Манжи-Ялбо. – В. Т.] держат как пленного; он же, говорят, предлагает царю все, что у него есть, за что будет пожалован титулом князя-царевича. Может быть, он примет русскую веру, иконы уже висят в его комнате, он уже умеет креститься, и тогда он станет русским придворным, подобно другим крещеным татарским князьям. Под его правой рукой висела на кожаном ремешке коробочка, где он хранил свиток своих молитв, который ежедневно вынимал, и, держа в руках прямо перед головой, стоя на коленях, 9 раз кланялся до земли... На мой вопрос о его вере он ответил, что молится Богу, который наверху; не знал он ни о Христе, ни о Магомете. У него были с собой странного вида четки, в виде мелких бусинок, по которым он отсчитывал молитвы Богу...» [4. С. 200]. По всей вероятности Манжи-Ялбо, находясь в Москве, в конечном итоге принял православие и закончил свою жизнь на чужбине.

Спустя несколько лет аналогично развивались события в деле и другого представителя калмыцкой знати. В нач. 1670-х гг. к власти у волжских калмыков пришел тайша Аюка (1672–1724), и при подавлении внутренней оппозиции он также прибег к подобному шагу, как и его отец Мончак. На этот раз гонениям подверглась семья калмыцкого тайши Дугара, который вместе с сыном Цереном был препровожден в Астрахань под предлогом, что «они многие неправды пред Великим Государем делали». В 1672 г. Дугар умирает, а его сын был отправлен в Москву, где его крестили именем Василий Дугаров [3. С. 24]. С этого момента калмыцкие владельцы, решившие креститься, как правило, наделялись княжеским титулом [8. С. 976].

С приходом к власти калмыцкого хана Аюки в русско-калмыцких отношениях более остро встала проблема беглых калмыков. В ходе крымских военных походов калмыки очень тесно познакомились с жизнью вольного казачества, так как маршрут пролегал через донские земли. Подобная проблема возникла примерно с конца 1660-х гг., когда оппозиционно настроенные Аюке улусы тайшей Дугара и Бока откочевали на Дон. После смерти Бока и пленения Дугара часть их улусных людей поселилась среди донских казаков. Во многом этот вопрос приобрел и религиозный оттенок, поскольку большинство из беглых калмыков, не желавших возвращаться к Аюке, принимало православную веру, а местные царские власти это всячески, в том числе и материально, поощряли. Донские атаманы также были заинтересованы в привлечении в свои казачьи ряды калмыков, уже показавших свою военную эффективность в борьбе против тюрков-кочевников.

Стоит отметить, что вопрос о беглых калмыках был впервые поднят именно в шерти 1673 г., подписанной Аюкой и астраханским воеводой Я.Н. Одоевским. Обе стороны взяли на себя выполнение всех договоренностей, заключенных в прежних шертях, но вопрос о возвращении беглых улусных людей Аюкой был выделен отдельным пунктом. В частности, российская сторона обязывалась возвращать Аюке тех калмыцких беглецов, кто уходил «в города царского Величества и тех беглецов некрещеных отдавать назад». Аюка в свою очередь обещал не требовать своих подданных, приняв-

ших крещение «по своим желательствам» [2. С. 926]. В этом документе впервые упоминаются крещенные калмыки, что говорит о законодательном оформлении этой группы населения [11. С. 92].

Причины и обстоятельства бегства калмыков с территории Калмыцкого ханства и принятие православия были разными. Одной из причин была возможность избежать наказания за проступки или провинности [11. С. 93]. Однако, когда бегство улусных людей приобрело уже чуть ли не массовый характер, как это произошло в 1698 г., когда на Дон откочевало около 500 чел., Аюка снова поднял вопрос об обязательстве русской стороны в возвращении беглецов.

Правительственные указы о возвращении беглых калмыков, носившие в основном декларативный характер и не имевшие под собой практической основы, не устраивали Аюку. Царское правительство формально поддерживало претензии калмыцких тайшей, поскольку само сталкивалось с проблемой бегства крестьян из центральных районов на юг страны. Очевидно и то, что часть калмыков, недовольных своей жизнью в улусах и принявших решение бежать на Дон, шли на такой шаг осознанно. Если на новом месте обстановка складывалась в их пользу, то они оставались на постоянное жительство, в противном случае могли покинуть донские степи и уйти в крымские владения или на Кубань. Крещение некоторые из них воспринимали как твердую гарантию того, что не будут в конечном итоге выданы калмыцкой стороне. Именно такие люди становились более послушным инструментом в руках царского правительства, которое поощряло действия донской администрации, хотя формально и поддерживало претензии калмыцкой стороны.

К кон. XVII в. политика христианизации по отношению ко всем народам России стала носить весьма мягкий характер: запрещены были принудительные меры крещения, о чем свидетельствует указ от 5 апреля 1685 г., согласно которому иноверцев должны были крестить без всякого принуждения, а только по желанию. В случае с калмыками крещение в основном носило добровольный характер. Легкость, с которой они соглашались на такой шаг, говорит еще и об отсутствии у калмыков какого-либо религиозного фанатизма к многовековой буддийской традиции. Буддизм, распространившийся у калмыков только в XVII в., еще не обрел в народе устойчивого влияния.

На юге страны к концу столетия формируются уже целые группы крещенных калмыков на русской военной службе. Так, в 1686 г. в Курске было поселено 51 семейство крещенных калмыков, приписанных к Белгородскому полку донских, яицких и орешковских казаков. За службу им выдавалось солидное по тем временам жалованье [9. С. 894]. Такие же группы вскоре появляются и под Азовом. Например, джунгарский тайша Баахан с частью своих людей поселился под Таганрогом, где произошла его личная встреча с русским царем Петром I. В результате он вместе со своими улусными людьми принял крещение под именем Моисея Алексеева, а крестным его отцом выступил воевода Алексей Шеин.

Калмыцкий хан Аюка весьма ревностно относился к смене вероисповедания своих подданных, о чем недвусмысленно дал понять, приказав сжечь первое компактное поселение православных калмыков на реке Терешке, впадающее в Волгу выше Саратова. Образовано оно было в 1700 г. Оправдываясь перед российскими властями, Аюка заявил, что на терешкенское поселение без его ведома совершил нападение эркетеновский владелец. Однако наказывать его хан не спешил, сославшись на «калмыцкие законы», по которым каждый калмыцкий владелец имел право вернуть своих улусных людей. В дальнейшем, чтобы избавить новокрещенных калмыков от ханского гнева, их стали переселять на жительство в малороссийские города Киев и Чугуев для последующего зачисления в казачье сословие [6. С. 72].

Процесс христианизации калмыков в XVII в. не был массовым, а во многом имел частный и случайный характер. Возможно, первые новообращенные калмыки через крещение входили непосредственно в состав русского общества, сливались с местным православным населением. Только с конца указанного столетия на южных рубежах государства появляются отдельные группы крещенных калмыков, несшие охрану границ. Вместе с тем религиозный вопрос был одним из серьезных вопросов в русско-калмыцких переговорах, поскольку царское правительство, как свидетельствуют тексты шертей 1673, 1677, 1683 и 1697 гг., было заинтересовано в крещении и оседании калмыков в разных частях государства. Несмотря на то, что калмыцкие правители весьма осуждающе реагировали на эти явления, они вынуждены были признавать факты христианизации калмыков и считаться с ними [10. С. 42]. Религиозный вопрос, хотя и не был главным на переговорах, но постоянно возникал и усиливал напряжение в отношениях между двумя сторонами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
2. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Т. 1. С 1649 по 1675. СПб., 1830.
3. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995.
4. Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996.
5. Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов. Казань, 1915. Т. 1. Кн. 2.
6. Джунджужов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (сер. 30-х гг. XVIII – пер. четв. XX в.). Оренбург, 2014.
7. Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (сер. XVII – нач. XX в.). Элиста, 1995.
8. Дорджиева Е. В. Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII в. // Извг. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008_4_975_982.pdf
9. Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911.
10. Орлова К. В. История христианизации калмыков: сер. XVII — нач. XX в. М., 2006.
11. Орлова К. В. Начало христианизации калмыков // ALTAICA VII: сб. ст. и материалов. М., 2002.
12. Тепкеев В. Т. О появлении первых крещеных калмыков в Москве в середине XVII в. // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). URL http://www.nivestnik.ru/2012_3/08.shtml

Поступила в редакцию 16.11.16

V.T. Tepkeev

THE RELIGIOUS ISSUE IN THE RUSSIAN-KALMYK RELATIONS IN THE 17TH CENTURY

The article deals with the first cases of the conversion of Kalmyks to Christianity in the 17th century. Special attention is paid to the policy of the tsarist government regarding the Kalmyks with whom it built allied relations under the conditions of military operations against the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Ottoman Empire and the Crimean Khanate.

The Christianization of Kalmyks in the 17th century did not proceed on a large scale. The first Kalmyks converted to Christianity formed directly a part of the ethnic structure of the Russian society, gradually amalgamating with the local orthodox population. It was not until the end of the century that separate groups of the baptized Kalmyks who guarded the borders appeared at the southern borders of the state. At the same time the religious factor was one of the serious issues in the Russian-Kalmyk negotiations since the tsarist government was interested in baptizing and settling the Kalmyks in various parts of the state. The Kalmyk rulers reacted to these phenomena in a very condemning manner, but they had to admit the facts and to reckon with them. The religious issue, even if it was not the main one, arose constantly and partly added tension to the Russian-Kalmyk relations.

However, a large-scale Christianization of Kalmyks was impossible for a number of reasons. First, since the beginning of the 17th century Buddhism in its Tibetan form was the traditional religion of Kalmyks; secondly, the government needed military aid from the Kalmyks to protect the southern and southwest borders of the state; thirdly, a direct pressure in such an important issue could have been interpreted as a gross intervention in their internal affairs and as an infringement on the power of the Kalmyk rulers and would have entailed unpredictable consequences for the Russian interests. Therefore, there was no large-scale conversion of the Kalmyks to Orthodoxy at the initial stage.

Keywords: Tsardom of Muscovy in the 17th century, Russian-Kalmyk relations, religious issues, Christianization.

Тепкеев Владимир Толтаевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории

ФГБУН Калмыцкий научный центр РАН
358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8
E-mail: tvt75@mail.ru

Tepkeev T.V.,
Candidate of History, Senior Researcher
at the Department of History

Kalmyk Scientific Center of the RAS
Ilishkina st., 8, Elista, Russia, 358000
E-mail: tvt75@mail.ru